

— Сяо Хэй когда-то был со мной в самые тёмные три дня, он спас мне жизнь!

— Я знаю, я всё знаю... — Ван Даху сильно хлопнул его по спине и пробормотал. — Я знаю.

Они стояли рядом, и тусклый жёлтый свет лампы падал на их лица, то и дело оставляя на них большие тени.

— Сунь Дачжуан, Сунь Дачжуан! — На кафедре лицо учительницы Чжао, которую в школе звали «ведьмой», выглядело недовольным.

Сегодня был последний день семестра, и планировалось сделать памятное фото всего класса. Однако Сунь Дачжуан выбрал именно этот день, чтобы прогулять, что сильно разозлило классного руководителя.

— Сунь Лань, где твой брат?

— Я... я не знаю! — Сунь Лань растерянно встала. — Сегодня утром я видела, как он вышел из дома!

Эта сволочь, наверное, снова сбежал по дороге, — мысленно скрипнула зубами учительница Чжао, продолжая переключку. — Чжоу Даюн.

— Здесь!

— Хао Хэпин.

— Здесь!

— У Сюэ.

— Здесь!

— Ван Даху.

— Зде-е-есь!

— Ли Цинжань.

— Ли Цинжань??

— Учительница, — лениво произнёс Ван Даху, — мой Жань Жань немного приболел, у него температура, сегодня он отсутствует.

Услышав это, учительница Чжао выглядела ещё более раздражённой. Сегодняшнее памятное фото должно было быть сделано вместе с директором. На недавнем собрании её даже похвалили за то, что в её классе двое учеников прошли «особый экзамен» и поступили в престижную школу. Она планировала воспользоваться случаем, чтобы похвастаться ими, но Ли Цинжань заболел как раз в этот момент.

Какая досада!

Ван Даху не обращал внимания на недовольство учительницы. Его мысли уже были дома. Возможно, из-за того, что в последние дни он плохо отдыхал, Жань Жань начал температурить. Хотя тот уверял, что всё в порядке, Ван Даху не мог не беспокоиться и настаивал на том, чтобы

тот отдыхал в постели.

Если бы его не выбрали представителем выпускников для выступления на сцене, он бы сегодня тоже остался дома.

Эх, надеюсь, это поскорее закончится.

Пока Ван Даху «страдал» в школе, Ли Цинжань провёл день вполне комфортно.

— Ну, Жань Жань, съешь немного каши! — Бабушка держала в руках белую фарфоровую миску, аккуратно кормя его.

— Бабушка, я сам! — На лице Ли Цинжана появилось смущение, и он поспешил взять миску.

— Не надо, не надо, бабушка сама покормит. Даху, уходя в школу, тысячу раз напоминал мне, чтобы я хорошо о тебе позаботилась! — Бабушка улыбалась.

Ли Цинжань сдался и позволил ей кормить себя, съев большую часть миски.

Бабушка снова измерила ему температуру — 37,5, всё ещё немного повышенная.

— Хорошо поспи, проснёшься — и всё будет в порядке!

— Хорошо, бабушка, я понял. Идите, займитесь своими делами!

После ухода бабушки в доме сразу стало тихо. Тёплый солнечный свет лился из окна, освещая его тело и создавая приятное ощущение тепла.

«Интересно, хорошо ли Даху выступил на сцене... Наверное, он выглядел неохотно и недовольно...» — мысленно представляя, как Даху, несмотря на своё нежелание, всё же выполняет обязанности, Ли Цинжань улыбнулся. Перебирая разные мысли, он закрыл глаза и постепенно уснул.

Прошло два часа, и его разбудил звонок телефона.

— Бабушка? Бабушка? — Он позвал несколько раз, но никто не ответил.

Видимо, она вышла и не была дома.

Но телефон продолжал упорно звонить.

Он нахмурился, сбросил одеяло и медленно встал с постели.

— Алло, здравствуйте! Кого вы ищете?

— Здравствуйте, это психиатрическая больница Наньхуа... Вы родственники Ли Чангуя? ... Дело в том, что примерно... он... Алло? Алло? Вы слушаете? Алло? Алло? Кто-нибудь есть?

Трубка повисла в воздухе, растянув шнур на всю длину, но человек, который должен был слушать, исчез.

Ли Цинжань бежал, направляясь к восточной окраине деревни.

Перед ним стоял одинокий дом с соломенной крышей. Стоя у двери, он бледный и дрожащий

снял с шеи ключ — ключ от своего дома.

Поскольку дом много лет стоял пустым, он выглядел очень заброшенным и ветхим. Ли Цинжань шаг за шагом шёл внутрь, двигаясь очень осторожно, словно боясь разбудить что-то. В момент, когда его нервы были на пределе, внезапно раздался глухой звук.

Он шёл из-за двери, обитой белым железом.

Ли Цинжань медленно открыл дверь.

И увидел — связанного верёвками и с тряпкой во рту Сунь Дачжуана.

— У-у-у, у-у-у-у!!!! — Сунь Дачжуан лежал на полу, его пухлое лицо было залито слезами. Он отчаянно пытался освободиться, видно было, что он до смерти напуган.

Ли Цинжань не ожидал увидеть такую картину. Не думая ни о чём другом, он бросился к нему, чтобы развязать верёвки.

— У-у-у, у-у-у-у!!!! — Сунь Дачжуан дико закричал.

Ли Цинжань быстро вытащил тряпку из его рта.

— Что с тобой? Кто тебя так связал? — Он торопливо спросил.

Сунь Дачжуан плакал так, что не мог выговорить ни слова. Ли Цинжань, спотыкаясь, помог ему встать, и они уже собирались выбежать, но в этот момент из ниоткуда появилась тень, похожая на зверя, и с силой сбила обоих мальчиков на пол.

Сунь Дачжуан полностью потерял сознание.

Ли Цинжань, дрожа, сел, широко раскрыв глаза, и смотрел на «человека» перед собой. Тот был очень худым, с растрёпанными волосами, которые почти полностью закрывали лицо. На нём была не одежда, а грязные лохмотья, покрытые тёмно-коричневыми засохшими пятнами, что делало его вид ещё более отталкивающим.

Однако, каким бы жутким он ни был, Ли Цинжань сразу узнал его.

— Папа?.. Папа? — Широко раскрыв глаза, он пробормотал. — Это правда ты, это правда ты!

Услышав слово «папа», в мутных глазах Ли Чангуя мелькнула тень замешательства, но это длилось очень недолго. Вскоре «ярость» снова овладела его разумом.

Очевидно, попытка «добычи» сбежать снова глубоко задела его.

— Что ты делаешь? — Ли Цинжань, привязанный верёвками к столбу, смотрел, как мужчина медленно подходит к лежащему без сознания Сунь Дачжуану.

— Стой! Не трогай его! Прекрати!

На его крики мужчина не обращал внимания. Он неспешно вытащил из угла комнаты мешок и высыпал его содержимое.

Серпы, топоры, ножи, пилы... Это были инструменты, которые Ли Чангуй использовал много лет назад. Ли Цинжань давно убрал их, но сегодня они снова оказались в руках своего

владельца.

Ли Цинжань с ужасом смотрел на «орудия убийства» на полу. Да, это были не просто инструменты, а орудия убийства, потому что только они могли быть так испачканы кровью.

— Сяо Хэй, это ты убил? — И домашние животные, которых недавно убивали в деревне, — всё это его рук дело?

Почему? Почему? Почему?

— Стой! Стой! Не ходи туда, не ходи туда! На помощь! На помощь! — Ли Цинжань изо всех сил кричал. Однако, кроме их дома, поблизости не было других жителей, поэтому его отчаянные крики остались без ответа.

Ли Чангуй присел на корточки и спокойно смотрел на лежащего Сунь Дачжуана, словно что-то обдумывая.

Затем, в следующую секунду, за мгновение, прямо на глазах у Ли Цинжаня, его собственный отец взял длинный нож и с силой вонзил его в живот Сунь Дачжуана.

Кроваво-красная жидкость мгновенно залила всё его поле зрения.

Шок от увиденного убийства полностью сломал Ли Цинжаня.

— Ван Даху...

— А?

Учительница Чжао несколько раз подмигнула ему.

— Твоя очередь выходить на сцену!

— О! — Ван Даху надул губы, смущённо потрогав своё сердце. Почему оно вдруг так сильно забилось? Неужели я нервничаю из-за выступления?

Не может быть!

С «скромной и учтивой» улыбкой хорошего ученика Ван Даху уверенно поднялся на сцену.

<http://bllate.org/book/16441/1490853>